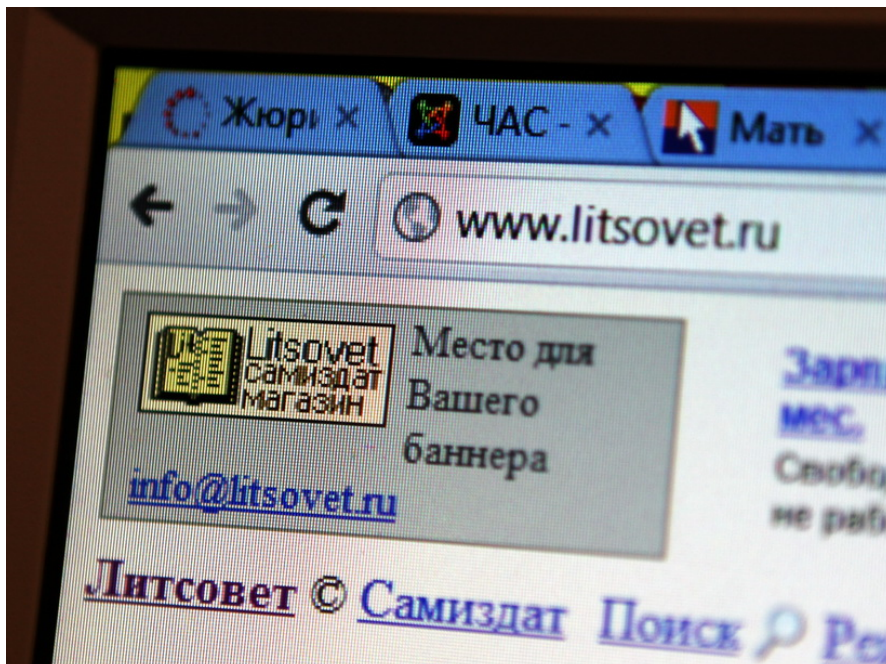

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 чемпионата членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений будут объявлены Оргкомитетом 30 мая 2012 года.

[1. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия](#)

Овцы, овцы... Снова вы покорно...

Овцы, овцы... Снова вы покорно
Курдюки несете по долине,
И бока, помеченные черным,
И бока, помеченные синим.

Вас пугают рытвины и плети,
Но попались вы совсем иначе...
Знали б, для чего ваш "благодетель",
Помечая шерсть, вас предназначил.

Овцы, овцы... Неужели схожи
Наши обреченность и незнание?..
Смутный век! - он выберет нас тоже
Для кровавых пиршеств и закланья.

И пока, колдуя над тетрадкой,
Ищешь слов пронзительных и едких, -
Кто-то смотрит на тебя украдкой,

Отличая от других по метке.

[2. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия](#)

Сиреневый ослик

Старушка с клюкой и сиреневый ослик
Спускаются к рынку тропинкой отлогой.
И думает ослик про слякоть и дождик...
Дождь вправду идет, -
никаких апологов!

С рассвета они из ближайшей деревни
Идут: обижаясь, упрямясь и споря...
Сиреневый ослик нагружен сиренью,
За цветом его -
никаких аллегорий.

[3. Надежда ИВАНОВА. Рига, Латвия](#)

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней
его драм, философии и баллад под гитару.
Он смеялся, пел, готовил для Герды, с нею, о ней,
Герда молча по строчке в день становилась старой.

Пресный секс, психоанализ, нарциссы, завтрак в постель -
Королева сбежала от Кая на третьи сутки.
Он сложил то заветное слово. Спасибо, метель.
Здравствуй, вечность. Прощай, мой бессмысленный, глупый, чуткий.

Герда и Снежная Королева дружат по пятницам,
обсуждают погоду, жалость и сладких мальчиков.
Герда помнит сады, солнце, бандитов и пьяницу -
память шепчет резко, настойчиво, зло и вкрадчиво.

Королева платиновая блондинка, Герда - песочная,
их не хотят разве только шуты и покойники.
Они сидят в тёмном проклятом баре до самой ночи
и мечтают встретить двух настоящих разбойников.

[4. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия](#)

Говоришь "халва"...

Говоришь "халва", повторяешь "халва-халва",
Маслянистым зноем сочатся во рту слова,
Караван-верблюды бредет по арык-реке,
Бухара и Хива тают на языке.

Ойли-вэйли, брат Ташкент, побратим Багдад,
Золотая жажда, пламенная орда,
Минарет уколёт небо в седой висок,
Кровь черным-черна закапает на песок.

На крови взойдут дворцы, прорастет трава,
Зацветет миндаль, закружится голова,
Лишь на грани слуха – шепот: "Уйди, уйди... "
То звезда Полынь горит у меня в груди.

Голубая смерть, вспоровшая горло сталь –
Се грядет конец, молись и считай до ста,
Но, пока еще лоснятся барханьи спины,
Разжигай кальян, в стакан наливай шербет
И садись смотреть, как мелко дрожит хребет
Иудейских гор в подвздошь у Палестины.

[5. Алексей ЕФИПОВ. Ярославль, Россия](#)

В день рождения Ленина - похороны Ленины

Хоронили забулдыгу -
Ленку с третьего подъезда.
Я открыл тоски бутылку,
И ломтями скорбь нарезал.

Ленке что? Апрель. Комфортно.
Гроб дешёвый, грубоватый.
Я за упокой конфорку
На плите зажёл - лампадой.

Страшно! Гвозди заколотят.
Нет цветов. И без поминок.
Будет лето - на болоте
Соберу венок кувшинок.

Жутко! Спрятаться под простынь!
Звать родителей! Заплакать!
Только сам давно я взрослый,
Только сам давно я папа.

В детстве Ленке гнусно "выкал".
Было и у Ленки детство.
Это мне нажали «выкл»,
Это мне попали в сердце.

Я открыл тоски бутылку,
И ломтями боль нарезал.
Схоронили забулдыгу
Из соседнего подъезда.

[6. Игорь КАЛИНА. Кировск, Россия](#)

Круги

Пустячно реагирует река
резвится на поверхности пока
отталкиваясь камень плоским боком.
От силы независимо руки
дробятся и сбиваются круги -
воде известны прошлые итоги.

Но сколько бы твой камень ни скользил
ничуть не удивятся караси,
когда на дно потянет груз мгновений,
поскольку обретёт в конце покой
любой голыш запущенный рукой,
поддавшись напоследок силе трения.

Придётся переждать волнение дней,
а лишь потом исследовав на дне
накиданную гальку хаотично
ты наконец поймёшь, что в глубине
среди когда-то брошенных камней
одноприроден твой и неотличен.

[7. Ирина РЕМИЗОВА. Кишинев, Молдова](#)

Пуговичный дом

В башне из-под польской карамели
(не бывает зданий обжителей),
местопребывание имели
пуговицы всяческих мастей,
разного колёра и калибра,
статуса, достатка, ремесла...
В старом чемоданчике из фибры

спрятана кунсткамера была.

Жизнь текла вольготно и лениво,
только иногда пускался в путь —
в ателье, по воле индпошива —
подходящий к ткани кто-нибудь,
по дорогам самострочной моды
торопясь настранствоваться всласть,
чтобы возвратиться через годы
или оторваться и пропасть.

И, когда грустилось и хворалось,
а порой и вовсе просто так,
чемодана челюсть поднималась,
открывая сущий кавардак:
там, на дне, в коробочке с картушем,
полонил неведомый кашей
круглые разрозненные души
отошедших в прошлое вещей.

Виделось, как будто бы в гостиной
собирались поиграть в лото
бабушкина юбка из поплина,
молодое мамино пальто,
кто-то незнакомый в коверкоте,
платье с отложным воротником,
папина рубашка, кофта тёти
и пуловер, вязанный крючком.

И казалось: ничего дороже
в целом свете не было и нет
чемоданчика с бумажной кожей
и цветной жестянки без конфет:
там дышало весело и мудро
в дырочки, четыре или две,
время из стекла и перламутра,
с местом состоящее в родстве.

[8. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия](#)

Старуха вяжет зимние носки...

Старуха вяжет зимние носки,
Скрипит под нею старая кровать.
Кто знает глубину ее тоски?..
Старухе скоро - девяносто пять.

Она торгует шерстью и шитьем
На придорожном рынке у моста,
И если напрямик, сквозь бурелом,
То до него обычная верста.

Старуха вяжет. Может быть, продаст...
Невестка варит яблочный компот.
Мяукает голодный "Гондурас" -
Зачуханный, бесхвостый черный кот.

Невестка злится. Вновь... не с той ноги.
(Старуху вязко пробирает дрожь).
"Бои-ишься? Ведьма! Дай пожить другим,
Ты и до ста, наверно, доживешь."

Старуха вяжет. Катится слеза.
(Утерла незаметно рукавом)
Потом взглянула вверх, на образа,
На небо, загрязненное окном.

А до икон достать - длина руки...
А до небес - обычная верста...
Старуха вяжет зимние носки,
Она не хочет, Господи, до ста...

9. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия

На семи ветрах

Есть тесовый рай под каменными крестами.
В том раю живут железные птицерыбы –
Голубые очи, когти дамасской стали.

Птицерыбы смотрят с дерева-иггдрасиля,
Что цветет как верба, хоть по рожденью – ясень,
Человечью душу в небо уносят силой,
А потом кладут к себе в золотые ясли,

И поют ей рыбы песни о льдах и скалах,
И читают птичьи притчи высоким слогом...
Обомнут, растянут, вылепят по лекалу –
И уронят вниз уже не душой, а богом.

Но не тем, с заглавной буквы (не будем всеу),
А – попроще, смертным, маленьким, бестолковым,
Чтобы слепо трепыхался в земном сосуде,

Птицерыбье сердце ранил каленым словом,

Горевал и плакал, грезил о небывалом,
Порывался сбросить призрачные оковы...
Птицерыбы смотрят ласково и устало
На мальков Творца – бескрылых, бесплавниковых.

[10. Светлана ОС. Москва, Россия](#)

Анабиоз

Под напором гроз и грёз
Гнутся маки и левкои.
Что им твой анабиоз? -
Состояние покоя.
Что им мор и что им пир? -
На обоих не в обиде...

Если ты не видишь мир,
То и мир тебя не видит.

Мёртвой зоны полоса -
Не награда, не расплата.
Только скрипом - голоса
За чертою невозврата.
Это - реквием лихих
По затерянным и лишним...

Если ты не слышишь их,
То они тебя не слышат.

Где-то множит миражи
Линий ломаных и плавных
Тот, кто свой среди чужих
И неравный среди равных.
И горит светило дня
Как алмаз в его короне...

Проходи, не тронь огня,
И огонь тебя не тронет.

{jacomment off}

1. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Овцы, овцы... Снова вы покорно...

Овцы, овцы... Снова вы покорно
Курдюки несете по долине,
И бока, помеченные черным,
И бока, помеченные синим.

Вас пугают рытвины и плети,
Но попались вы совсем иначе...
Знали б, для чего ваш "благодетель",
Помечая шерсть, вас предназначил.

Овцы, овцы... Неужели схожи
Наши обреченность и незнание?..
Смутный век! - он выберет нас тоже
Для кровавых пиршеств и закланья.

И пока, колдуя над тетрадкой,
Ищешь слов пронзительных и едких, -
Кто-то смотрит на тебя украдкой,
Отличая от других по метке.

2. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Сиреневый ослик

Старушка с клюкой и сиреневый ослик
Спускаются к рынку тропинкой отлогой.
И думает ослик про слякоть и дождик...
Дождь вправду идет, -
никаких апологов!

С рассвета они из ближайшей деревни
Идут: обижаясь, упрямясь и споря...
Сиреневый ослик нагружен сиренью,
За цветом его -
никаких аллегорий.

3. Надежда ИВАНОВА. Рига, Латвия

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней
его драм, философии и баллад под гитару.
Он смеялся, пел, готовил для Герды, с нею, о ней,
Герда молча по строчке в день становилась старой.

Пресный секс, психоанализ, нарциссы, завтрак в постель -
Королева сбежала от Кая на третьи сутки.
Он сложил то заветное слово. Спасибо, метель.
Здравствуй, вечность. Прощай, мой бессмысленный, глупый, чуткий.

Герда и Снежная Королева дружат по пятницам,
обсуждают погоду, жалость и сладких мальчиков.
Герда помнит сады, солнце, бандитов и пьяницу -
память шепчет резко, настойчиво, зло и вкрадчиво.

Королева платиновая блондинка, Герда - песочная,
их не хотят разве только шуты и покойники.
Они сидят в тёмном проклятом баре до самой ночи
и мечтают встретить двух настоящих разбойников.

4. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия

Говоришь "халва"...

Говоришь "халва", повторяешь "халва-халва",
Маслянистым зноем сочатся во рту слова,
Караван-верблюды бредет по арык-реке,
Бухара и Хива тают на языке.

Ойли-вэйли, брат Ташкент, побратим Багдад,
Золотая жажда, пламенная орда,
Минарет уколёт небо в седой висок,
Кровь черным-черна закапает на песок.

На крови взойдут дворцы, прорастет трава,
Зацветет миндаль, закружится голова,
Лишь на грани слуха – шепот: "Уйди, уйди..."
То звезда Полынь горит у меня в груди.

Голубая смерть, вспоровшая горло сталь –
Се грядет конец, молись и считай до ста,
Но, пока еще лоснятся барханы спины,
Разжигай кальян, в стакан наливай шербет
И садись смотреть, как мелко дрожит хребет
Иудейских гор в подвздошь у Палестины.

5. Алексей ЕФИПОВ. Ярославль, Россия

В день рождения Ленина - похороны Ленины

Хоронили забулдыгу -

Ленку с третьего подъезда.
Я открыл тоски бутылку,
И ломтями скорбь нарезал.

Ленке что? Апрель. Комфортно.
Гроб дешёвый, грубоватый.
Я за упокой конфорку
На плите зажёл - лампадой.

Страшно! Гвозди заколотят.
Нет цветов. И без поминок.
Будет лето - на болоте
Соберу венок кувшинок.

Жутко! Спрятаться под простынь!
Звать родителей! Заплакать!
Только сам давно я взрослый,
Только сам давно я папа.

В детстве Ленке гнусно "выкал".
Было и у Ленки детство.
Это мне нажали «выкл»,
Это мне попали в сердце.

Я открыл тоски бутылку,
И ломтями боль нарезал.
Схоронили забулдыгу
Из соседнего подъезда.

6. Игорь КАЛИНА. Кировск, Россия

Круги

Пустячно реагирует река
резвится на поверхности пока
отталкиваясь камень плоским боком.
От силы независимо руки
дробятся и сбиваются круги -
воде известны прошлые итоги.

Но сколько бы твой камень ни скользил
ничуть не удивятся караси,
когда на дно потянет груз мгновений,
поскольку обретёт в конце покой
любой голыш запущенный рукой,
поддавшись напоследок силе трения.

Придётся переждать волнение дней,
а лишь потом исследовав на дне
накиданную гальку хаотично
ты наконец поймёшь, что в глубине
среди когда-то брошенных камней
одноприроден твой и неотличен.

7. Ирина РЕМИЗОВА. Кишинев, Молдова

Пуговичный дом

В башне из-под польской карамели
(не бывает зданий обжителей),
местопребывание имели
пуговицы всяческих мастей,
разного колёра и калибра,
статуса, достатка, ремесла...
В старом чемоданчике из фибры
спрятана кунсткамера была.

Жизнь текла вольготно и лениво,
только иногда пускался в путь –
в ателье, по воле индпошива –
подходящий к ткани кто-нибудь,
по дорогам самострочной моды
торопясь настранствоваться всласть,
чтобы возвратиться через годы
или оторваться и пропасть.

И, когда грустилось и хворалось,
а порой и вовсе просто так,
чемодана челюсть поднималась,
открывая сущий кавардак:
там, на дне, в коробочке с картушем,
полонил неведомый кашей
круглые разрозненные души
отошедших в прошлое вещей.

Виделось, как будто бы в гостиной
собирались поиграть в лото
бабушкина юбка из поплина,
молодое мамино пальто,
кто-то незнакомый в коверкоте,
платье с отложным воротником,
папина рубашка, кофта тёти
и пуловер, вязанный крючком.

И казалось: ничего дороже
в целом свете не было и нет
чемоданчика с бумажной кожей
и цветной жестянки без конфет:
там дышало весело и мудро
в дырочки, четыре или две,
время из стекла и перламутра,
с местом состоящее в родстве.

8. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия

Старуха вяжет зимние носки...

Старуха вяжет зимние носки,
Скрипит под нею старая кровать.
Кто знает глубину ее тоски?..
Старухе скоро - девяносто пять.

Она торгует шерстью и шитьем
На придорожном рынке у моста,
И если напрямик, сквозь бурелом,
То до него обычная верста.

Старуха вяжет. Может быть, продаст...
Невестка варит яблочный компот.
Мяукает голодный "Гондурас" -
Зачуханный, бесхвостый черный кот.

Невестка злится. Вновь... не с той ноги.
(Старуху вязко пробирает дрожь).
"Бои-ишься? Ведьма! Дай пожить другим,
Ты и до ста, наверно, доживешь."

Старуха вяжет. Катится слеза.
(Утерла незаметно рукавом)
Потом взглянула вверх, на образа,
На небо, загрязненное окном.

А до икон достать - длина руки...
А до небес - обычная верста...
Старуха вяжет зимние носки,
Она не хочет, Господи, до ста...

9. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия

На семи ветрах

Есть тесовый рай под каменными крестами.
В том раю живут железные птицерыбы –
Голубые очи, когти дамасской стали.

Птицерыбы смотрят с дерева-иггдрасиля,
Что цветет как верба, хоть по рожденью – ясень,
Человечью душу в небо уносят силой,
А потом кладут к себе в золотые ясли,

И поют ей рыбы песни о льдах и скалах,
И читают птичьи притчи высоким слогом...
Обомнут, растянут, вылепят по лекалу –
И уронят вниз уже не душой, а богом.

Но не тем, с заглавной буквы (не будем все),
А – попроще, смертным, маленьким, бестолковым,
Чтобы слепо трепыхался в земном сосуде,
Птицерыбье сердце ранил каленым словом,

Горевал и плакал, грезил о небывалом,
Порывался сбросить призрачные оковы...
Птицерыбы смотрят ласково и устало
На мальков Творца – бескрылых, бесплавниковых.

10. Светлана ОС. Москва, Россия

Анабиоз

Под напором гроз и грёз
Гнутся маки и левкои.
Что им твой анабиоз? -
Состояние покоя.
Что им мор и что им пир? -
На обоих не в обиде...

Если ты не видишь мир,
То и мир тебя не видит.

Мёртвой зоны полоса -
Не награда, не расплата.
Только скрипом - голоса
За чертою невозврата.
Это - реквием лихих
По затерянным и лишним...

Если ты не слышишь их,

То они тебя не слышат.

Где-то множит миражи
Линий ломаных и плавных
Тот, кто свой среди чужих
И неравный среди равных.
И горит светило дня
Как алмаз в его короне...

Проходи, не тронь огня,
И огонь тебя не тронет.